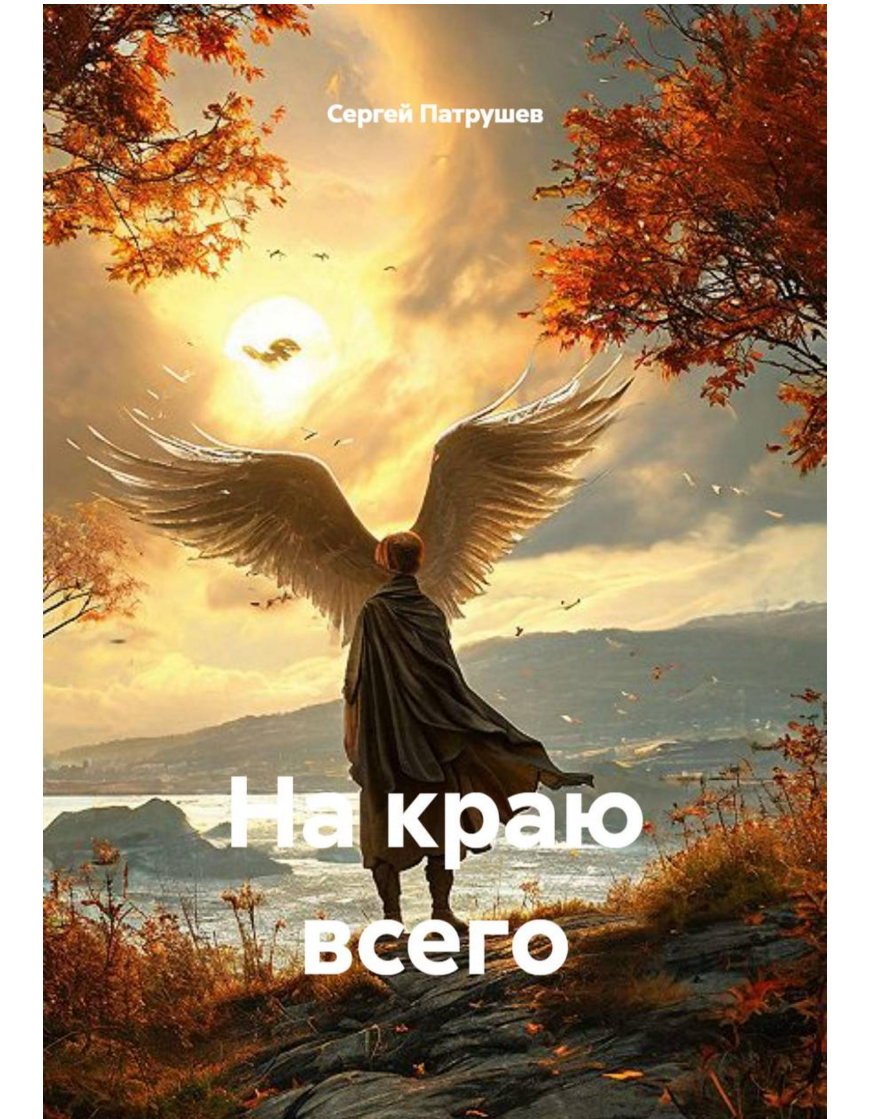

Сергей Патрушев

На краю всего

Сергей Патрушев

На краю всего

<https://litres.ru/74179322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он потерял всё. Любимая женщина ушла, оставив после себя только тихий щелчок закрывшейся двери и подушку, которая ещё пахла её волосами. Работа, которой он отдавал себя без остатка, выплюнула его, как отработанный материал.

Друзья, с которыми он делил последнее, вычеркнули его из своей жизни, не заметив исчезновения. Целый мир предал его, и теперь он стоит на краю пропасти, глядя в бездну, которая кажется единственным выходом из бесконечной боли.

У него больше нет сил дышать, нет сил надеяться, нет сил даже позвать на помощь. Но когда он уже готов сделать последний шаг, рядом появляется тот, кого он не ждал, — ангел, сотканный из тишины и света. Не для того, чтобы спасти. Не для того, чтобы отговорить. А для того, чтобы просто быть рядом.

Чтобы выслушать. Чтобы задать вопросы, которые он никогда не решался задать себе сам. И чтобы, если он всё же решится на этот прыжок, — прыгнуть вместе с ним, потому что никто не должен умирать в одиночестве.

Содержание

Глава первая. Край всего	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

На краю всего

Глава первая. Край всего

Я стоял на самом краю и смотрел вниз, и мне казалось, что там, внизу, нет ничего, что могло бы меня удержать. Ветер бил в лицо, но я почти не чувствовал его, потому что всё, что я чувствовал, было где-то глубже, под кожей, под рёбрами, в той самой пустоте, которая раньше была моей душой. Я думал о том, прыгать или нет, и эта мысль не вызывала во мне ни страха, ни волнения, только бесконечную, выматывающую усталость, как будто я шёл пешком сто лет и наконец дошёл до обрыва, за которым — только воздух и тишина. Только воздух и тишина — это звучало почти как обещание покоя, которого у меня не было слишком давно, так давно, что я забыл, каково это, когда внутри не болит. Я попытался вспомнить, когда в последний раз просыпался с ощущением, что день имеет смысл, что предстоящие часы не являются просто очередным отрезком времени, который нужно пережить, перетерпеть, переползти на четвереньках от будильника до подушки. Не вспомнил. Память услужливо подсовывала только серую кашу из одинаковых утр, когда откры-

ваешь глаза и первое, что чувствуешь, — это разочарование от того, что ты вообще проснулся. Что снова нужно дышать, двигаться, изображать из себя человека, хотя внутри ты уже давно не человек, а просто ходячий набор реакций, пустая оболочка, которая по инерции выполняет заложенные природой функции: вдох, выдох, шаг, ещё шаг, улыбка невпопад, кивок, когда спрашивают, всё ли в порядке. Всё в порядке, конечно, всё просто замечательно, я просто немного устал, просто не выспался, просто сезонная хандра, просто пройдёт. Не прошло.

Мир рушился у меня за спиной, я даже не оборачивался, чтобы посмотреть, но я знал это точно — мир рушился, рассыпался, как картонный домик, на который кто-то неосторожно дохнул. И первой ушла она. Она уходила долго, мучительно, растягивая агонию на месяцы, и я, дурак, думал, что это просто сложный период, что у всех пар бывают кризисы, что нужно просто потерпеть, просто быть внимательнее, просто любить сильнее, и всё наладится, всё склеится, всё вернётся на круги своя. Я видел, как она уходит, снова и снова прокручивал этот момент в голове, как заезженную плёнку, которая застревает на самом страшном кадре и не хочет двигаться дальше. Она стояла в дверях и смотрела на меня так, как смотрят на незнакомца, занявшего чужое место в вагоне метро — без злобы, без интереса, с лёгким раздражением от того, что приходится объяснять очевидные вещи. На

ней было то самое пальто, которое мы покупали вместе прошлой осенью, она долго крутилась перед зеркалом в примерочной, а я сидел в кресле и говорил, что оно ей очень идёт, и она улыбалась мне через отражение, и в той улыбке было столько тепла, что хватило бы обогреть целый город. Теперь она стояла в этом же пальто, но смотрела на меня как на пустое место, и пальто вдруг стало чужим, как будто его носила совершенно незнакомая женщина, которую я встретил первый раз в жизни и которая зачем-то решила рассказать мне, что наши отношения были ошибкой. Она говорила, а я не слышал слов, я слышал только звук её голоса, который раньше был моим домом, моим убежищем, моей колыбельной на ночь, а теперь стал чужим, холодным, как метроном, отсчитывающий последние секунды моей жизни. Её голос всегда был мягким, обволакивающим, с лёгкой хрипотцой по утрам, когда она только просыпалась и просила сделать ей кофе. Я помнил все модуляции этого голоса, я мог бы узнать его из тысячи, из миллиона, я слышал его во сне, я слышал его в шуме дождя, в гуле метро, в тишине пустой комнаты, куда она уже не вернётся. Она говорила, что устала, что мы разные, что ей нужно пространство, что я слишком много требую, слишком сильно люблю, слишком глубоко дышу, и от этого ей тесно рядом со мной. Ей тесно — мне запомнилось это слово, оно врезалось в меня осколком стекла, и теперь каждый вдох отдавался болью где-то в груди. Тесно — как в клетке, как в капкане, как в могиле, которую я сам

же для себя и вырыл своей любовью. Я ведь правда любил её так, как не любил никого и никогда, я растворился в ней без остатка, я забыл, где заканчиваюсь я и начинается она, я сделал её центром своей вселенной, и когда она ушла, вселенная просто схлопнулась, превратилась в сингулярность, в точку, из которой нет выхода. Она развернулась и ушла, и вместе с ней ушёл весь воздух из комнаты, из моих лёгких, из всего мира, и я остался стоять посреди пустой квартиры, которая вдруг стала чужой, как съёмная, хотя мы прожили в ней три года и переклеили обои в спальне вместе, смеясь и пачкая друг друга клеем. Я помню, как она испачкала клеем кончик моего носа, и я гонялся за ней по всей квартире с кисточкой, и мы хохотали как сумасшедшие, а потом упали на пол, прямо на старые газеты, и лежали, обнявшись, и строили планы на будущее. В этом будущем мы были вместе, счастливые, может быть, с собакой, может быть, с детьми, может быть, в другой стране, у моря, где всегда тепло и никогда не бывает таких серых, промозглых вечеров, как тот, когда она ушла. Она ушла, и дверь закрылась с тихим, почти вежливым щелчком, и этот щелчок был громче любого взрыва, громче атомной бомбы, громче конца света. Я стоял и смотрел на дверь, ожидая, что она сейчас откроется обратно, что она войдёт и скажет: прости, я погорячилась, я не могу без тебя, я люблю тебя. Я ждал минуту, пять, десять, полчаса, час. Дверь не открылась. Тишина в квартире была такой плотной, что её можно было резать ножом и намазывать

на хлеб вместо масла. Я подошёл к двери и прижался лбом к холодной древесине, и стоял так, наверное, целую вечность, пытаюсь услышать её шаги на лестнице. Но там было тихо, только где-то далеко лаяла собака и гремел лифт, увозя чью-то чужую, счастливую жизнь наверх, к ужину, к телевизору, к тёплым тапочкам и поцелую в щёку.

Через неделю меня уволили. Это было почти ожидаемо, почти логично, почти справедливо — я стал плохим работником, я стал рассеянным, я стал приходить не вовремя и уходить раньше, чем заканчивался рабочий день, я забывал про дедлайны, я путал имена клиентов, я смотрел в монитор и не видел цифр, я видел только её лицо, которое расплывалось перед глазами, как мираж в пустыне, до которой никогда не дойти. Вызвал начальник, тот самый, который ещё месяц назад хлопал меня по плечу и говорил, что я незаменимый сотрудник и на мне держится половина проектов, и сказал, что сокращение штата, сложная экономическая ситуация, ничего личного, я отличный специалист, но ты сам понимаешь. Я понимал. Я понимал всё именно так, как это было на самом деле — я стал неудобным, я стал слишком много молчать, слишком часто опаздывать, слишком плохо скрывать, что внутри меня что-то сгорело и теперь от меня несёт гарью так, что клиенты морщат носы. Начальник говорил что-то про выходное пособие, про две недели, про то, что он напишет отличные рекомендации, и его губы двига-

лись, как у говорящей куклы, которую дёргают за ниточку, а я смотрел на него и думал о том, что ещё полгода назад мы вместе ходили в бар после удачной сделки, и он платил за всех, и говорил, что я — его лучший кадр, его правая рука, его главное приобретение за всю историю компании. Теперь от меня избавлялись, как от сломанной вещи, которую дешевле выбросить, чем починить. Мне дали коробку для вещей, смешную картонную коробку, как в плохих фильмах, и я сложил туда кружку, которую она подарила мне на день рождения — на ней был смешной кот с огромными глазами и надпись «Лучшему кошачьему папе», хотя кота у нас так и не завелось, она говорила, что сначала нужно решить с работой, с квартирой, с планами на будущее. Будущее наступило, и в нём не было ни кота, ни работы, ни её. Я сложил в коробку ежедневник, исписанный её именем на полях — я писал его машинально, когда говорил по телефону, когда слушал скучные презентации, когда ждал ответа на важное письмо, рука сама выводила буквы, складывающиеся в самое главное слово моей жизни, слово, которое теперь стало ругательством, проклятием, ножом в сердце. Я сложил фотографию, где мы вместе на море, и это море теперь выглядело как насмешка, как открытка с чужого курорта, куда меня никогда не пустят. На фотографии мы оба загорелые, счастливые, она смеётся и щурится от солнца, а я обнимаю её за плечи и смотрю не в камеру, а на неё, и в этом взгляде столько любви, что сейчас, глядя на него, я чувствовал себя обокраденным

— кто-то украл у меня того парня, кто-то подменил его на эту сломанную куклу, которая сидит в пустом кабинете и не может даже заплакать. Охрана проводила меня до выхода, и я чувствовал себя преступником, которого вышвыривают из приличного общества, хотя единственным моим преступлением было то, что я разучился улыбаться вовремя. Охранник, пожилой дядька с усталыми глазами, которого я знал пять лет и с которым мы здоровались каждое утро, на этот раз отвёл взгляд и сделал вид, что не узнал меня. Это было мелко, почти незаметно, но именно эта мелочь почему-то добила меня сильнее, чем сам факт увольнения. Я вышел на улицу, и солнце светило слишком ярко, слишком нагло, как будто мир издевался надо мной, демонстрируя, что ему плевать на мою личную маленькую катастрофу, у него своя программа, свои планы, и в них я не предусмотрен. Мимо шли люди, смеялись, разговаривали по телефонам, пили кофе из бумажных стаканчиков, спешили куда-то, и каждый из них был частью огромного, равнодушного механизма, который перемолол меня и выплюнул за ненадобностью. Я сел на скамейку в сквере у офиса и просидел там, наверное, часа три, просто глядя перед собой и держа на коленях дурацкую коробку с остатками моей прежней жизни. Голуби ходили вокруг, косились на меня с глупым любопытством, ждали крошек, которых у меня не было. Я смотрел на голубей и думал, что даже они, глупые птицы с мозгом размером с горошину, имеют больше прав находиться в этом мире, чем я — у них

хотя бы есть стая, есть инстинкты, есть понятная и простая цель выжить. А у меня не было ничего.

Друзья кинули. Это было самое горькое — даже не то, что они пропали, а то, как именно они это сделали. Сначала перестали отвечать на звонки, придумывая нелепые отмазки, потом перестали звать в общий чат, где раньше мы обсуждали всё на свете — от футбола до смысла жизни, — а потом я случайно увидел фотографию, где все они сидят в баре, те самые, с кем я делил последнюю сигарету, последние деньги, последние секреты, и они смеются, поднимают бокалы, и подпись под фото: «Наконец-то собрались старые добрые». Старые добрые — без меня. Я помнил, как мы познакомились с каждым из них, я помнил наши ночные разговоры на кухне, когда казалось, что мы — одна банда, одна стая, одна семья, и что мы пойдём друг за друга в огонь и воду. Мы строили планы, как вместе откроем бизнес, или уедем путешествовать, или просто купим большой дом и будем жить коммуной, потому что поодиночке скучно. Мы делились самым сокровенным — страхами, мечтами, детскими травмами, глупыми фантазиями, в которые стыдно признаться даже самому себе. Я знал о них то, чего не знали их родители, их девушки, их психотерапевты. Я верил каждому их слову, я доверял им как самому себе, я думал, что мы — это навсегда. И вот навсегда закончилось, тихо и буднично, без скандалов и выяснения отношений, просто меня вычеркнули из списка,

как вычёркивают умерших, чтобы не портить статистику. Я смотрел на их лица на фотографии и не узнавал их, это были маски, восковые фигуры из кабинета ужасов, и я вдруг понял, что никогда, ни одного чёртова раза они не были моими друзьями, я просто заполнял какую-то пустоту в их расписании, был удобным, весёлым, щедрым, а когда я стал неудобным, когда мне самому понадобилась помощь, хотя бы просто молчаливое присутствие рядом, они растворились, как дым, как утренний туман, который кажется красивым, пока не попытаешься на него опереться. Я звонил им, когда она ушла, я писал сообщения длиной в простыню, я говорил, что мне плохо, что я не справляюсь, что мне нужен кто-то, кто просто посидит рядом и помолчит. Они отвечали: «Держись, братан», «Всё наладится», «Ты сильный, ты справишься» — и пропадали на недели. Шаблонные фразы из дешёвых мотивационных книжек, которые ничего не стоят и ничего не значат, которыми отмахиваются от чужих проблем, как от назойливых мух. Я представлял, как они сидят в том баре, пьют пиво, обсуждают футбол или новый фильм, и кто-нибудь, может быть, вдруг вспоминает: «Кстати, а как там наш, ну тот, который того?» — и другой отвечает: «Да ну его, он совсем с катушек слетел, вечно ноет, портит всем настроение», — и все согласно кивают, и делают ещё по глотку, и переключаются на что-то более весёлое. Я стал для них неудобным напоминанием о том, что жизнь может пойти под откос, что человек может сломаться, что беда — это не абстрактное

понятие из новостей, а реальность, от которой нельзя отвернуться, если ты настоящий друг. Но они отвернулись, легко и без колебаний, как перелистывают страницу с неинтересной статьёй. И я остался один, совершенно один, в вакууме, в безвоздушном пространстве, где кричишь во всё горло, но никто не слышит, потому что звук не распространяется в пустоте.

Мир предал меня целиком, без остатка, без единого шанса на спасение. Не осталось ни одного угла, ни одной щели, куда можно было бы забиться и переждать, перетерпеть, как переживают грозу в подвале. Гроза была везде, она шла сплошной стеной, и каждый новый удар молнии бил точно в меня. Я пытался искать спасения в мелочах — в старых фильмах, которые мы смотрели вместе и которые теперь были отравлены воспоминаниями, в книгах, которые теперь казались пустыми и бессмысленными, в музыке, которая теперь не трогала, а только раздражала своей навязчивой мелодичностью. Я пытался гулять по городу, надеясь, что физическая усталость заглушит душевную боль, но город был полон пар, которые держались за руки, смеялись, целовались на светофорах, и каждый их поцелуй был как пощёчина, как напоминание о том, что у меня этого больше нет и никогда не будет. Я заходил в кофейни, где мы когда-то сидели с ней, заказывал тот же кофе, садился за тот же столик у окна, и ждал непонятно чего — может быть, чуда, может быть, что время пой-

дёт вспять, что дверь откроется и она войдёт, стряхивая капли дождя с волос, и скажет, что всё это было глупой шуткой, неудачным розыгрышем, дурным сном. Но дверь открывалась, входили чужие люди, заказывали свой кофе, садились за свои столики, а я сидел и смотрел в пустоту, и остывающий латте в моей чашке был похож на мою жизнь — такой же холодный, безвкусный, никому не нужный. Мне было грустно — это была не та светлая, почти приятная грусть, о которой пишут поэты и поют барды, не та меланхолия, что заставляет задуматься о вечном и написать проникновенные строки в дневник. Это была тяжёлая, мутная, липкая тоска, которая обволакивает и не даёт дышать, которая заливается в лёгкие, как вода, и ты тонешь в ней, медленно и неотвратимо, и даже не сопротивляешься, потому что сопротивление требует сил, а сил больше не было. Мне было больно — физически больно, как будто кто-то медленно проворачивал нож где-то под ложечкой, и эта боль не утихала ни на минуту, она стала моим постоянным спутником, моим новым сердцебиением, моим будильником по утрам и колыбельной на ночь. Я просыпался от боли, я засыпал с болью, я жил с ней, как живут с хронической болезнью, к которой привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать, но которая никуда не уходит, только затаилась и ждёт момента, чтобы напомнить о себе с новой силой. Мне было обидно — обидно до слёз, которые не могли пролиться, потому что я разучился плакать где-то по дороге, в детстве, когда мне сказали, что

мужчины не плачут, и теперь эта невыплаканная влага превратилась в яд и отравляла меня изнутри, разъедала мои органы, мои мысли, мои воспоминания. Я помню, как в детстве я упал с велосипеда и разбил коленку, и плакал навзрыд, а отец сказал: «Ты же мужик, мужики не плачут, вставай и иди дальше». Я встал и пошёл, и с тех пор я всегда вставал и шёл дальше, не позволяя себе ни единой слезинки, и теперь все эти непролитые слёзы скопились где-то внутри и душили меня, как удавка. Мне было досадно — досадно за каждое доброе слово, которое я сказал тем, кто его не заслуживал, за каждый рубль, который я дал в долг и не попросил обратно, за каждый вечер, который я потратил на тех, кто сейчас даже не помнит моего имени. Досада была самой мелкой, самой противной из всех эмоций, она зудела, как комариный укус, который нельзя расчесать, и сводила с ума своей нелепостью. Я вспоминал, как помогал другу с переездом, таскал тяжеленные коробки на пятый этаж без лифта, порвал спину, потратил весь выходной, а он даже не позвонил, когда узнал, что меня уволили. Я вспоминал, как дал в долг приличную сумму другому другу, который клялся, что вернёт через неделю, и эта неделя растянулась на год, а когда я намекнул на возврат, он обиделся и перестал отвечать на звонки. Я вспоминал, как сидел ночами, помогая третьему другу с его проектом, который должен был сделать его карьеру, и он сделал карьеру, а меня забыл поблагодарить. Досада накатывала волнами, и каждая волна была выше предыдущей,

и я захлёбывался в этой досаде, в этой мелочной, унижительной обиде на самого себя за то, что был таким глупым, таким доверчивым, таким ненужным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.